

«Как я кормила Курчатова»

СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ

Всё произошло неожиданно и непонятно. Ослепительный свет, взрывная волна сбила её с ног. Когда очнулась, из-за домов медленно полз вверх огромный гриб – чем выше в небо, тем он становился огромнее...

55 лет назад судьба свела Людмилу Григорьевну с Игорем Васильевичем Курчатовым и другими выдающимися учёными. В результате она стала свидетельницей и отчасти участницей событий, истинное значение которых открылось только годы спустя.

КУЛИНАРИЯ КАК ИСКУССТВО

Люся жила в Ленинграде. Все её родственники были учителями, и она тоже не представляла свою жизнь иначе. Мечтала стать учительницей младших классов, поступала в педучилище, но неожиданно срезалась на диктante. Мама посоветовала техникум общественного питания. Решающим для них обоих, переживших блокаду, стал мамин довод: «Зато всегда будешь с куском хлеба».

Ничего общего с «кулинарным техникумом», знакомым нам со слов известного юмориста, это учебное заведение не имело. О значении, которое придавалось ему в послевоенном Ленинграде, можно судить по тому, что техникум располагался тогда на Невском проспекте, в бывшем здании городской Думы. Всем известный «дом со шпилем» оставался значительным не только снаружи, его преподавательскому составу мог позавидовать иной вуз. Людмила Григорьевна на всю жизнь запомнила лекции Николая Ивановича Ковалёва, автора одной из книг, по которой они учились. Кулинария в его рассказах представляла собой искусство, банальную технологию приготовления пищи он связывал с историей, литературой, живописью.

В тот год из двух групп выпускников отобрали четырнадцать человек и вручили им направления в «закрытые города», как было сказано. Большинству судьба выпала ехать в Челябинск. Трое, в том числе Люся, попали в Горьковскую область, в Арзамас-16, или Саров, как они потом узнали от местных жителей.

В вагоне оказалось множество молодёжи, все быстро перезакомились, ехали весело. К месту добрались ближе к вечеру, и шутки прекратились сами собой. Поезд остановился у ключей проволоки, вдоль неё стояли солдаты. Началась проверка документов, военные закончили её уже в темноте – Люся шагнула навстречу своей новой жизни, так и не разглядев, что это за место. Впервые по-настоящему она рассмотрела Саров только через год с самолёта, на котором летела в отпуск: внизу, на холме, раскинулся живописный городок, крыши домов перемежались с многочисленными куполами церквей, и всё это утопало в море бескрайних лесов.

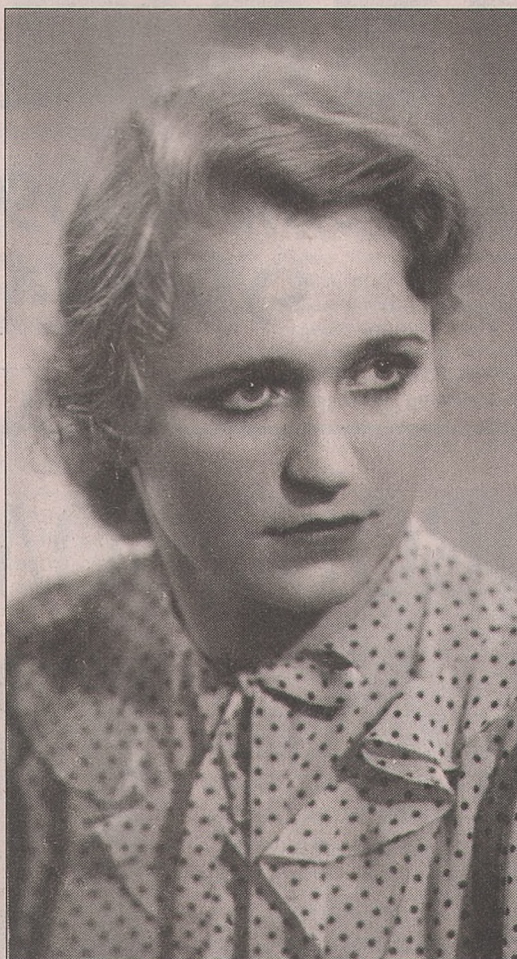
Приезжих поселили сначала в гостинице, потом их троице дали комнату в коммунальной квартире. После Ленинграда город показался совсем маленьким, но в нём было всё: в бывших церквях и монастырях – библиотека, драмтеатр, кинотеатр, кафе, столовая, рядом – общежития, дома для специалистов. В основном парке – красивый двухэтажный домик, где столовалось высокое начальство, его называли «генералка». В двух шагах река Сатис и коттеджи Зельдовича, Харитона, Сахарова, других учёных.

В противоположной стороне от центра посёлка располагался завод № 1, ещё дальше – завод № 3, специальные площадки, лаборатории. На первых порах Люсю направили работать в заводскую столовую. Снабжение было идеальное, как в Ленинграде и Москве, где в отличие от других городов после войны появилось всё. В обычной заводской столовой – лучшие сорта мяса, огромные осетры, фрукты – птичьего молока только не хватало, – удивлялась она.

Люсю определили в «холодный» цех, где в основном делали закуски. Столовая открывалась в двенадцать, ей нужно было приходиться в семь. Люся крутилась как заведённая: разделывать, отварить и охладить рыбу, сделать салаты, сварить компот из сухофруктов, открыть банки с компотами из черешни и винограда, банки с фаршированным перцем...

Но вот столовая постепенно наполняется народом. Люся бегом подносит официанткам закуски (самообслуживания ещё не существовало), мчится за чистыми тарелками, наполняет их – за полтора часа, отведённых на обед, надо было успеть накормить рабочих, инженеров, ненасытных мальчишек-ремесленников, которые кроме первого и второго заказывали по четыре холодные закуски сразу. Помощник у неё был один, он только резал овощи. Плита – дровяная, которую заряжали огромными брёвнами.

Несмотря на солидно звучащую специальность – технолога общественного питания, Люся почти год проработала поваром «холодного» цеха. Для практики, как ей сказали.

Л. Осипова в 1950-е годы. (фото из семейного архива)

«БРОСЬ, БОРИС, ТЕРЗАТЬ ДЕВОЧКУ!»

В 1954 году последовало повышение. Из заводской столовой её перевели в «генералку». На первом этаже – просторная столовая, буфет, цветы, ковры. На втором – комната отдыха, пианино. Через коридор в этом же коттедже кухня (опять же с дровяной плитой). Вскоре после перевода Люсю назначили заведующей производством с двумя поварами и судомойкой в подчинении.

– В «генералке» столовалась человек двадцать: начальник объекта, учёные-физики. Игорь Васильевич Курчатов в городе не жил – приезжал из Москвы. А Сахаров, Харитон, Зельдович жили. Курчатов был очень жизнерадостный, общительный, шёл в столовую всегда с улыбкой. Мы выходили в коридор посмотреть, он приветствовал нас словами: «Здравствуйте, наши кормилицы!» Мы его обожали. Андрей Дмитриевич Сахаров – самый молодой из всех, тридцать четыре года, а уже академик. Замкнутый, углублённый в себя, такой тип учёного, знаете, который вечно забывает зонтик и галюши. Глаза устремлены вверх, думает о чём-то своём, ест машинально. Однажды он пришёл, когда плита уже погасла. Первого ничего не осталось, нашли только сосиски и чуть тёплое пюре. Я поделилась сомнениями с официанткой, захочет он это есть или нет. Она засмеялась: «Ему всё равно. Лишь бы съедобное». Я всё-таки приоткрыла дверь удостовериться. Сахаров медленно подносил сосиску ко рту, глаза, как всегда, в потолок. Он жил один. Его первая жена Клавдия приезжала только летом.

Людмила Григорьевна делает паузу и начинает заранее улыбаться – дальше следует рассказ о Харитоне.

– Юлий Борисович приходил обедать, только когда приезжали Курчатов и министр среднего машиностроения (по-нынешнему Минатома), в остальное время ему готовила жена. На Харитона мы умиллялись: маленький, в осеннем пальтишке, с оттопыренными ушками, он был похож на мальчишку. Голоса его я не слышала. Подавали ему дежурные блюда, он был абсолютно непривередливый. Всем своим обликом он вызывал к себе прямо-таки нежное отношение.

Что касается Бориса Яковлевича Зельдовича, то он обычно появлялся в столовой с женой и, по-моему, с сыном и был очень разборчив в еде. Меню на завтра было принято заказывать накануне. Как-то он заказал молочный суп, а молока не привезли. Он возмутился: «Как это так? Позвать сюда заведующего!» Я стала робко объяснять, а его сослуживцы принялись над ним смеяться: «Брось, Борис, терзать девочку!»

Людмила и её команда кормили учёных завтраками и обедами (ужинали те дома). Что предпочитали? Все любили гречневую кашу с молоком. Многие, в том числе Курчатова, – ленивые вареники с творогом, из мясных блюд самым популярным считался куриный шницель по-министерски.

Об ужине заботились жёны: продукты им выписывали через ту же столовую. Важнее всех держалась представительная супруга начальника отдела кадров. Жена Сахарова обычно поджидала свой заказ на скамейке у чёрного хода на кухню.

17 октября 1955 года Людмила зарегистри-

ровала брак с Владимиром Осиповым, работавшим на объекте инженером-экономистом. На следующий день они собирались позвать друзей, чтобы отпраздновать событие, но утром в дверь постучали: приказано немедленно явиться в административное здание. Небольшой зал был полон народу: специалисты из самых разных подразделений, от столовой – три официантки и она.

– Нам объявили, что в середине дня мы все уезжаем в командировку. На сколько – неизвестно. Нужно собрать вещи и явиться на вокзал. Я заикнулась про то, что у меня только вчера была свадьба, но на меня шикнули так, что я сразу замолкла.

КОМАНДИРОВКА В СЕМИПАЛАТИНСК

Они ехали до Семипалатинска больше недели. Их разместили в гостинице на окраине города, при ней – столовая, где Люся несколько дней проработала поваром. Однажды к гостинице подкатил чёрный ЗИС, и молодой лейтенант велел ей собираться.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

– Куда?
– На объект.
– Что я там буду делать?
– Кормить тех людей, которых вы кормили в Сарове.

– Неужели здесь нельзя было найти повара?
– Искренне удивилась она. Ответ прозвучал многозначительно:

– Вы знаете их вкусы.
И вот она едет с ним на ЗИСе по степи, едет долго, может быть, километров сто или больше.

Посёлок стоял на берегу Иртыша. Одно-, двух-, трёхэтажные дома, Дом культуры, вокруг много военных. Людмилу поселили одну в двухкомнатную квартиру и передали, что её ждёт полковник госбезопасности.

Полковник ввёл в курс дела. Предстоит кормить начальство, человек пятнадцать – двадцать. Пищеблок, тоже в обычном жилом доме, уже оборудован, продукты завезены, в дальнейшем всё, что потребуется, будет поступать из офицерской столовой, деликатесы – из Москвы. На объекте сухой закон, тем не менее полковник показал ящик с водкой и коньяком – «энзэ». В распоряжение Людмилы поступают солдатик-повар, официантка Нина и пожилая уборщица Мария Ивановна.

Несмотря на заверения молодого лейтенанта, который привёз её на объект, столоваться у неё здесь начали совсем новые лица. Уже знакомые физики тоже приехали, но жили где-то в другом месте и, видимо, там же питались. В числе тех, кого теперь кормила Людмила, оказался угрюмый, замкнутый человек небольшого роста – министр среднего машиностроения Авраамий Павлович Завенягин. Совершенно лысый, с измученным лицом. Секретарь предупредил: у министра большие почки.

А первым, кто вошёл в её маленькую столовую, оказался начальник главного артиллерийского управления Советской Армии, а вскоре маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин. «У нас молодая хозяйка? Ну здравствуй, красавица. Как зовут?» Высокий, седой, румяный, улыбающийся, подтянутой Герой Советского Союза Неделин был великолюпен. Обычно он усаживался, вальяжно откинувшись на стуле, и сразу становился центром любого разговора. Дверь на кухню оставалась открытой, и Людмила однажды слышала, как Неделин в кругу нескольких военных увлечённо говорил о построении войск... у Ганнибала.

Тем не менее главным считался здесь министр. Иногда он пригласил на обеды и ужины учёных – для Зельдовича, Харитона, Сахарова, его самого эти полчаса-час становились, види-

мо, отдыхом, некоей передышкой. Что касается Неделина, то он любил смотреть кинофильмы и звал всех в соседнюю квартиру, где был оборудован кинозал.

Впрочем, объект жил своей, неизвестной для обслуживающего персонала жизнью. Но вот однажды по внутренней радиосвязи прозвучало объявление: в связи с предстоящими «техническими испытаниями» всем жителям нужно покинуть помещения и выйти за посёлок, в степь. Людмила вышла вместе со всеми. Позади их трёхэтажное здание уже собрались женщины, дети. Ждали довольно долго, внезапно вдали раздался неясный гул, блеснул яркий свет. Больше ничего не произошло, и им разрешили вернуться.

Жизнь вошла в обычную колею, шёл ноябрь, выпал снег. День 22 ноября тоже не предвещал ничего нового. Даже когда объявили, что состоятся повторные «технические испытания», Людмилу это несколько не насторожило. Больше того, вопреки распоряжению, она даже решила на этот раз не выходить из пищеблока. Расположилась в маленькой комнате, где обычно обедали

служащие столовой, и стала разбирать накладные.

– Вдруг вбегает майор КГБ: «Люся, что ты здесь делаешь?! Немедленно беги!» Я надела пальто, ещё чуть замешкалась, и когда выскочила наружу, никого из жителей там уже не было, только вдоль улицы цепочкой стояли солдаты. Не прошло и пяти минут, и вдруг – ослепляющий свет. Я закрыла глаза. И тут подкатила взрывная волна. Я упала, солдатики тоже. Когда очнулась, из-за домов поднимался огромный гриб: серо-белая шляпка на чёрной ножке медленно ползла вверх.

Людмиле казалось, что всё происходит рядом, на самом деле, как потом выяснилось, до эпицентра взрыва их отделяли десятки километров.

Минуло ещё сколько-то времени, и из степи потянулись назад люди. Навстречу попался тоже майор.

– Сейчас всё зависит от ветра, – кивнул он. – Если радиационное облако пойдёт на посёлок, придётся эвакуироваться.

К счастью, ветер дул в другую сторону.

Когда Людмила вошла в пищеблок, она поняла, что майор спас ей жизнь. На столе, за которым она разбирала свои накладные, лежала огромная грудa стёкол – они бы рухнули ей прямо на голову. Покорёженные косяки, пустые глазницы окон, на потолке трещины – разгром полный. Тем более удивительно прозвучали слова воровавшегося вслед за ней полковника из охраны:

– Люся, готовь банкет!
– Она развела руками, а он бросил:
– Не волнуйся!

Через несколько минут перед ней стояла целая команда: солдаты – стекольщики, уборщицы, солдатик-повар.

На вопрос, что готовить, прозвучало: самое быстрое. Порезали колбасу, сыр, открыли консервы, на горячее – сосиски с пюре и зелёный горошек. Поступил приказ вскрыть «энзэ»: когда на столах расставили «Столичную» и коньяк, в столовую одной группой вошли человек двадцать: учёные, военные.

– Все такие радостные. Расселись, заговорили все сразу – ничего не поймёшь. Единственное, что я слышала – громкий хохот.

На следующий день после банкета участники испытаний стали разъезжаться. Людмила вернулась в Арзамас и прожила там с мужем ещё два года, там же у них родилась дочь. Потом Людмила окончила Ярославский пединститут, преподавала в Ярославском кулинарном училище – впереди была ещё целая жизнь.

Татьяна ЕГОРОВА